

Отрывки из дневников ленинградских немцев

Данные отрывки из дневников, в рамках лекции доктора исторических наук Ирины Черказьяновой «Ленинградские немцы: судьба военных поколений», были прочитаны школьниками средней общеобразовательной школы №636 Центрального района Санкт-Петербурга. Мероприятие было проведено 16 ноября 2019 года как одна из частей семинара для мультипликаторов молодежной работы «Ленинградские немцы во время блокады». Полный текст лекции вы найдете [на сайте проекта «Гуманитарный жест»](#).

Из воспоминаний Лидии Францевны Штейн

Она родилась 17 апреля (19)31 года под Шлиссельбургом. Её отец приехал в Петербург в начале XX века из Риги, где окончил немецкую школу садоводов. По национальности – латыш, возможно, немецкого происхождения. В Петербурге имел свою оранжерею. Умер во время блокады, в сентябре (19)42 года. Мать Лидии – русская, Богданова Клавдия Никитична. После войны Лида окончила Ленинградский университет, работала биологом в Сибири.

«Наш довоенный дом находился на правом берегу Невы, напротив Шлиссельбурга. Родители его построили в конце 20х-начале 30х годов прошлого века. В начале войны мне было 10 лет. Я – младшая; старший брат Анатолий и сестры – Женя, Зоя и Маруся. У нас было свое хозяйство: коровы, куры, поросенок, кошки и собаки. Мама – домохозяйка. Отец работал в Горсовете Шлиссельбурга по озеленению города.

Война для нас началась налётами немецких самолетов на караван барж у крепости Орешек. Немецкие самолёты на бреющем полете вылетали из-за леса и бросали бомбы в Неву. Весь дощатый коридор нашего дома был прострелен пулеметами с самолетов. Мы отсиживались в погребе.

Для нас блокада началась 6 сентября 1941 года, когда немецкие мотоциклисты приехали в Шлиссельбург и не встретили никакого сопротивления. Они стали трассирующими пулями обстреливать правый берег Невы. Наш дом как раз находился на самом берегу, и от него его отделяла грунтовая дорога. Немцы наступали маршем, и все люди в панике бежали в чем есть, даже босиком, вглубь, к Ленинграду. Бежали, побросав свои вещи, надеясь вернуться через неделю домой. Наша семья оказалась в деревне Каменка.

На Каменке оказалось много беженцев, там был создан в лесу участок, куда были мобилизованы все работоспособные. Люди, приехавшие позднее, (26:37 перенесли?) к берегам Черной речки землянки, но они были без печек. Все они потом зимой умирали, целыми семьями, от голода и холода. Сентябрь 1941 года был сухой и теплый. Стояла золотая осень. Ежедневно, каждый вечер, ровно в 19:00 над нами с тяжелым воем

пролетали эскадрильи немецких бомбардировщиков, по 7-9 штук. Они летели бомбить Ленинград.

У нас, беженцев, не было ни лишней одежды, ни вещей, ни мебели. Ни одеть, ни обуть было нечего. Мы бежали из дома, думая, что максимум на неделю. Я ходила в садик в солдатских кирзовых сапогах, из каких-то старых одеял мама сшила нам какие-то пальтушки».

«Голод начался уже в октябре. Я видела страшные лица людей с безумными глазами, следившими за мной. Люди были замотаны во всякое тряпье: какого они пола, было не узнать. Маме сказали, чтобы девочку – то есть меня – одну на улице не оставлять. Запомнился блокадный кокосовый жир, серо-грязный, как жидкое мыло, вонючий. А еще шроты, по-моему, отходы соевого производства, по вкусу похожие на опилки. Из них пекли лепешки.

Памятный эпизод зимы 1942 года: я иду из рабочей столовой, в руках – миска с маленькой порцией каши, и на крышке – маленький кусочек хлеба. Глубокий снег. Тропинка в один след и немного под горку. Навстречу – высокий согбенный дяденька. Когда поравнялись и он увидел хлеб – схватил его и стал запихивать в рот. Я закричала. Из столовой выбежали люди, толкнули дядьку, он упал. Кажется, его били, а я, отвернувшись, плакала. Дяденька не произнес ни звука, ни стона – он только держал две ладони у рта, чтобы ни одна крошка не упала.

Для всех блокадников, кто оставался в кольце, самым значимым был день прорыва блокады – 18 января 1943 года.

Появилась надежда на жизнь. На прорыв блокады были переправлены новые силы, сибиряки, веселые, сытые, в новых белых полушубках, в новых маскхалатах. Мы ведь близко жили от фронта и были в курсе всех событий. К нам зашел военный, оставил пару солдатских сухариков, которые казались нам пирожными. Мама плакала, а он утешал её и говорил: „Мамаша, мы еще будем пить кофе в Берлине!“ Какой же высокий был дух у людей».

Из дневника Нелли Турнгер (1941–1942 гг.)

Нелли Георгиевна Турнгер

Родилась 3 ноября 1925 года, умерла 24 августа 1988.

Отец Нелли был репрессирован в конце 30-х годов, выпущен из тюрьмы и вскоре после этого умер. Похоронен в Ленинграде, на Смоленском лютеранском кладбище. В блокаду умерли все родственники Нелли, она осталась с матерью, Эльвирой Георгиевной. Девушка вела дневник в 1 января (19)41 года по 12 марта (19)42.

«Учебный год кончен, я перешла в девятый класс!»

11 июня. Приехали в Москву в 12 часов. Спала до 7 часов вечера. Встала, обедала. Потом поехали кататься с тетей Бертой на метро.

12 июня. Целый день были вместе с тетей Бертой и мамой на сельскохозяйственной выставке. Вечером поехали к дяде Жоржу.

13 июня. Осматривали с мамой Третьяковскую галерею, мавзолью Ленина. 22 июня. Приехали в Ленинград.

22 июня – война СССР с Германией.

9 октября 1941 года, четверг. На Московской улице, по которой я шла, видны все проделки фашистских собак. На всей улице не было ни одного целого стекла. От зажигательных и фугасных бомб все дома на этой улице очень пострадали. На обратном пути в этом же районе меня застала тревога. Меня заставили залезть в траншею, в которой я просидела до отбоя.

12 октября, воскресенье. Сегодняшней ночью германские бомбардировщики сделали налет на Васильевский остров и сбросили фугасную бомбу на углу Третьей линии и Большого. Стекла, начиная с Первой линии и до Шестой линии, выбило.

3 ноября, понедельник. Сегодня – день моего шестнадцатилетия! Встали с мамой в половине восьмого. К девяти часам пошла в школу. Из нашего класса осталось только 8 человек. Узнала очень неприятные известия, что Савельева Таня умерла от брюшного тифа, который получила после воскресника. Днем пришла тетя Кава и подарила мне 30 рублей. Угощают только чаем и конфетами. Вечером пришла Ася и подарила воротничок, очень хорошенький!

8 ноября, суббота. После школы пошла за паспортом. Опять неприятность, из-за которой я очень расстроилась. Написали, что я – немка! Ну какая же я немка, разве я похожа на немку? Застала тревогу. Сидела в милиции. Наконец выдали паспорт. По дороге купила хлеба, но почти весь съела. Пришла домой – мама была уже дома. Евдокия Сергеевна сказала, что тетя Дора дома. Я сбегала навестить их. Они подарили мне 50 рублей и угостили тремя кусочками хлеба, и колбасы два кусочка. Кусочек хлеба я съела у них, а остальное принесла домой, где разделила с мамой. Когда пришла домой, поели с мамой щей, жареный горох с колбасой и вина. Чай пили с сухариками.

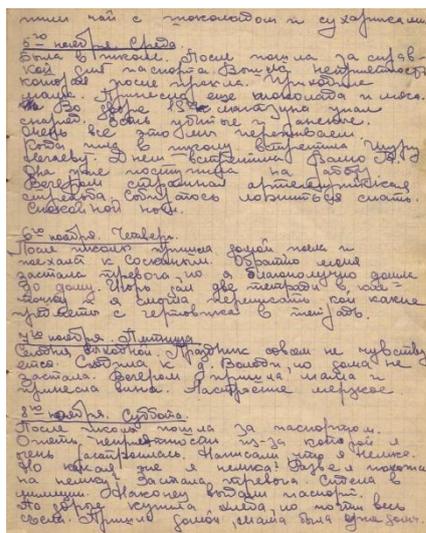
1 декабря, понедельник. Утром ели кашу из солода и кофе с сахаром. Из школы все сбежали с немецкого. Дома затопила печку и согрела дрожжевого супа. Дядя Миша принес нам дров. Делала уроки. В комнате – 14 тепла.

19 декабря, пятница. Была в школе, писали контрольную по немецкому. Суп был очень хороший: щи кислые из белой капусты с зелеными помидорами. После школы зашла в аптеку и купила пирамидон, таблеток от кашля, бинт и мяту. Домой пришла и затопила печку. Согрела суп, кипяток, заварила мяты. Съела хлеб с конфетками и чаем. Мама пришла в шестом часу. У нее замерзли ноги, так как она минут 10-15 ждала, пока

разводили Дворцовый мост. На мосту был ужасный крик, так как некоторые пытались перебежать мост, а мост в это время стали поднимать. Кто остался висеть, а кто скатился. Мы с мамой поели супа, попили чаю, и мама легла спать. Я сделала уроки, в 8 часов попила еще чаю с хлебом и конфеткой, и легла спать. Утром мы ели кашу из солода и попили чай с конфетками.

24 декабря, среда. Мама встала в 6 часов, и я с этого времени не могла уснуть. Она вылила уборную и много чего сделала другого. Пол везде очень грязный и закапан воском. Я встала в 7 часов 15 минут и пошла за хлебом. Сегодня мороз 15 градусов. В булочной была очередь. Мама на плите согрела кофе и подсушила хлеба. Сегодня сочельник, и мама поставила на рояль лимон и украсила его шишкой, серебряной ленточкой и картинкой. Рядом поставила графин с пивом и две рюмочки и Деда Мороза. Вид очень красивый! Настроение стало немного лучше, так как включили свет.

1 марта 1942 года, воскресенье. Самый тяжелый голод и холод мы, кажется, пережили. Кольцо гитлеровской блокады становится тоньше. Февральские выдачи продуктов нас более или менее радовали. Мы получили дополнительно сухих овощей по 150 гр., клюквы по 150 гр. и по 25 гр. какао. И даже нам дали по одной четверти литра керосина. Завтрак: студень из столярного клея с гречневой кашей, кофе с одной чайной ложкой сахарного песка и по кусочку хлеба. Норма хлеба у нас с первого февраля: рабочим — 500 гр., служащим — 400 гр., иждивенцам — 300 гр.

Страница из дневника Нелли Турнгер.

5 марта 1942 года, четверг. Сегодня мама дома. На улице мороз — 23 градуса. В 8 часов я пошла за хлебом. Пришла в 9 часов. Завтракали: жиденький суп из гречневой и ячневой крупы, студень и кофе с хлебом. После стали с мамой разбираться. Я потрошила бархатный стул. В первом часу попили бульона от костей с кусочком высушенного хлеба, а я после погрызла кости. В 11 часов дня была объявлена выдача мяса (служащим — 200 гр., иждивенцам — 100 гр.) и спичек (служащим — 2 коробка, иждивенцам — 1 коробок). До вечера мама работала, а я вышивала дорожку. В 7 часов объявили, что с завтрашнего дня разрешена продажа сахара, 250 гр. на маму и 200 гр. на меня, и по 100 гр. сухих фруктов. Мы очень проголодались из-за большого перерыва между завтраком и обедом. Обедали в 4 часа. Ели суп, который принесла мама — 20 гр. рассольника с манной крупой, и 80 гр. гречневой каши с 20 гр. постного масла. Все это выложили в кастрюлю для супа, прибавили бульона из косточек и разделили на 2 дня. Суп получился очень вкусный».

Из дневника Льва Людвиговича Циммермана (г. р. 1929)

Отец Льва, Людвиг Людвигович — немец, военный врач, был арестован в августе (19)37 года и вскоре расстрелян. Вдова с сыном переехали с родственниками в Ленинград, где прожили всю блокаду. Мать Лёвы работала фельдшером в госпитале.

«6 ноября 1941 года. Сегодня был у тети Оли, потом мы с ней поехали к Клавдии Ивановне на хлебозавод. Там я наелся хлеба вдоволь. Улицы украшают к празднику флагами, картинами и портретами. В 6 часов 10 минут началась бомбежка. Бомбами разрушен Финляндский вокзал. Теперь очень сильно бомбят и обстреливают город из дальнотойных орудий.

7 ноября 1941 года. Сегодня 24-я годовщина Октябрьской революции! С утра до вечера били дальнотойные орудия. На углу со Скороходова в крышу дома попал снаряд.

С 15 по 20 ноября 1941 года. Ничего особенного нету: 15-го бомба попала во двор нашего дома и ничего особенного не сделала – сидим без воды. Другая попала на улице – там воронка. Третья попала на пустырь – у нас вылетели стекла.

21 ноября 1941 года. Сегодня днем сходили за сахаром и с превеликими мучениями достали его. Да еще там была тревога, длилась 4 с лишним часа.

7 декабря 1941 года. Сегодня утром с 7 часов до 2 часов дня горел подожженный снарядами завод «Пирометр». Мороз сегодня первый раз 24 градуса. Вечером здорово рвались снаряды дальнотойных.

12 декабря 1941 года. Да, а дела наши на поправку идут! Каждый день на западном и юго-западном фронте наши войска продвигаются вперед. Нашими войсками взят Тихвин и Елец, так что немцу достанется! Скоро погоним его из Ленинграда! Недолго проклятый гад будет еще нас мучать, довольно голодать! Хлеба давать больше! Скоро мы будем опять есть батон с маслом и с колбасой и сыром, не заботясь о том, что надо хлеб беречь. Но мне вовсе не верится, что это будет.

14 декабря 1941 года. Юра сегодня разменял на базаре на 550 гр. хлеба и 30 рублей хорошенькую печку-буржучку. Мы завтра её установим. Да, теперь по-другому: наши войска взяли город Ефремов и Ливны, это под Москвой. Ну, теперь мы начали освобождать от немцев нашу страну, все идет по порядку.

С 22 по 24 декабря 1941 года. Что-то не доходит писать дневник. Но писать надо. Вот кончится война, и всем интересно будет прочесть. Кроме дневника, у меня есть конверт, куда я складываю газетные вырезки. Потом я возьму и спрячу куда-нибудь корешки от продовольственных карточек, и вообще буду собирать вещи, а потом – у меня свой музей.

25 декабря 1941 года. Ура! Хлеба прибавили по 200 гр. иждивенцам, по 350 гр. на рабочего. Дела, значит, идут хорошо.

С 26 по 28 декабря 1941 года. Я теперь вообще никуда не хожу: лежу в кровати, читаю. Я так вообще говорят, что через неделю-другую у нас в Ленинграде станет хорошо. Продуктов станет много, и норму повысят. Хлеб теперь хороший, сухой, пшеничный. Говорят, что с 1 января хлеба прибавят по 400 гр. иждивенцам и по 800 гр. рабочим. Так и должно быть, потому что на фронте наши продвигаются вперед. Немец бежит, спасая свою шкуру.

С 1 по 7 января 1942 года. Не писал эти дни, потому что не хотелось. Положение в городе все ухудшается, в смысле продуктов. Каждый день умирает до 8000 человек. Мы питаемся так же, как и всегда, но ничего хорошего нет.

С 16 по 27 января 1942 года. 24ого была прибавка хлеба — по 400 гр. на рабочих, 350 на служащих, 250 на иждивенцев. Сейчас все-таки появились кое-какие продукты: пшено, овсянка, чечевица, сливочное масло, сахар, мясо. Город находится в первобытном состоянии. Водопровод с канализацией не действуют, помои выливаются прямо на улицу. Бани не работают, люди не мылись уже по месяцам. За водой приходится ходить на Неву, трамваи не ходят, электричества нет. Покойники валяются на улицах неубранными. Словом, положение ужасное. С хлебом тоже очень плохо, несмотря на то что муки — завались. Водопровод не работает, и вода на хлебозаводы не идет. Поэтому хлеб и не выпекается. К нам, в Петроградский район, приходят за хлебом из Московского, из Выборгского, с Островского. Поезда не ходят, и мы не можем попасть на Всеволожскую. Настанет весна, растают эти помойки во дворах и начнется эпидемия. Люди будут гибнуть, как мухи. Эвакуация сейчас все-таки идет и мама, как только ей представится возможность, уедет отсюда и заберет нас с собой.

С 28 по 29 января 1942 года. С хлебом стало плохо. 29-го мы стояли в очередь за хлебом 15 с половиной часов. Начались грабежи. Нападают на повозки с хлебом, на столовые. Дело доходит до стрельбы.

С 4 по 5 февраля 1942 года. Чего же писать? Хорошего мало, только плохое. Сейчас идет массовая эвакуация, все стремятся уехать из этого ада. Мы тоже начинаем думать об этом: надо отсюда уезжать. Люди совсем одичали, началось людоедство. Люди, вернувшиеся из других мест, не поверят нам, то, что мы пережили. По улицам стало опасно ходить вечером и ночью. Могут напасть и убить, а затем — пожалуйста на сковородку или в котел, а потом — в желудок. Вот как!»

Планы семьи Циммерман на эвакуацию не осуществились. Мы не знаем, почему. И до конца блокады семья оставалась в Ленинграде.

«8 февраля 1943 года. Все-таки, я большой дурак, что не писал дневник. А ведь много интересного скопилось за эти пять месяцев. Я теперь учусь, мама работает, Юра у дяди Саши в части, младший сержант. В армии ввели погоны и мундиры. Наши сейчас здорово наступают.

С 5 апреля по 30 сентября 1943 года. Снова продолжаю вести дневник. Закончил учебу. Испытаний не было, отменили. Перешел в 6 класс!

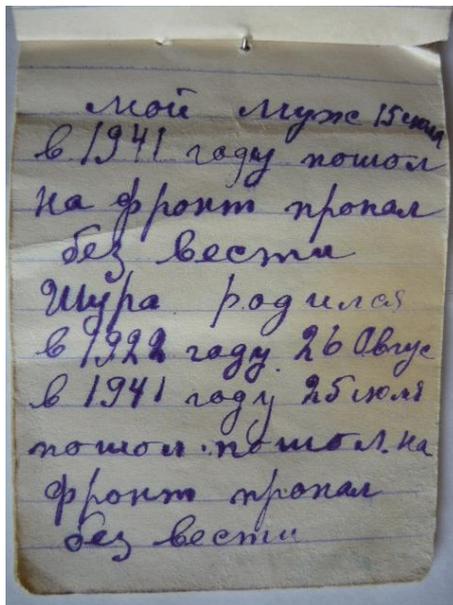
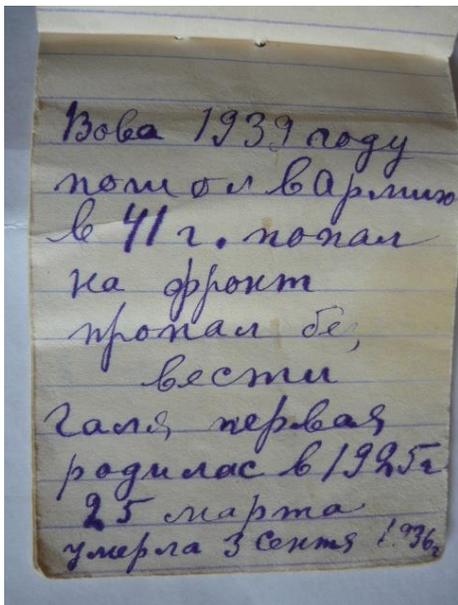
С 4 по 10 ноября 1943 года. За эти дни произошло много интересного. бого утром, на рассвете, захватили город Киев и Васильков, а 7-го — город Фастов. 7-го был в кино, смотрел «Приговор народа», про зверства немцев в Краснодаре и суд этих гадов немцев, как их казнили.

С 29 декабря 1943 года по 10 февраля 1944 года. Дорогой дневник! Сколько прошло! Много, много хорошего и интересного за это время. Но есть и печальное. 15-го января наши доблестные войска Ленинградского фронта перешли в наступление, которое ведут и по сей день. Обстрелы кончились, немцы отогнаны от Ленинграда на сто с лишним километров.

27 января мы с мамой были в кино, смотрели «Повесть об одном корабле», английский кинофильм про английский военный корабль, эсминец. И вдруг говорят — снята блокада и обстрелов больше не будет! И наш Ленинград салютует 324 орудиями 24 залпа! Это такие залпы только второй раз, это когда взяли Киев. Ну, мы с мамой пошли.

Да, красиво было. Грохот сильный был, а вспышки такие, что светло на улице было, а ракет разноцветных – масса, так и летали! Светили прожектора. Да, вот что. Сергей – был у меня такой товарищ, вместе на огородах были – не дожил 11 дней до Победы».

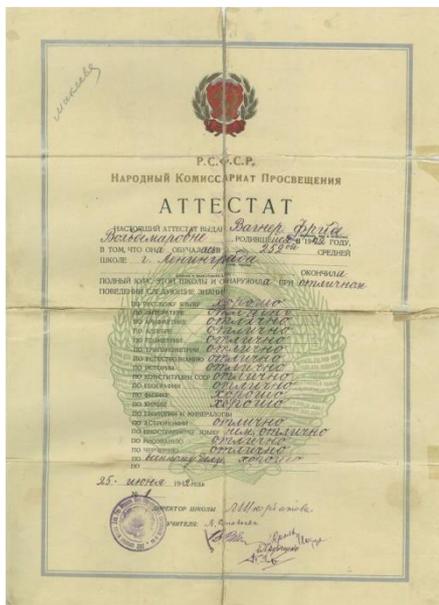
Дополнительные изображения

«Маленький дневничок» Софии Биллер (Столбовой) из Новосаратовки

Хлебная карточка эвакуируемой семьи Жаак.

Аттестат Вагнер Фриды об окончании обучения в средней школы. 1942 г.